

MICHAEL
ONDAATJE

THE CAT'S TABLE

Читайте в серии «Литературные хиты: Коллекция»:

Зэди Смит. Время свинга
Зэди Смит. О красоте
Зэди Смит. Белые зубы
Зэди Смит. Северо-Запад
Джордж Сондерс. Линкольн в бардо
Джордж Сондерс. Десятое декабря
Лалин Полл. Пчелы
Лалин Полл. Лед
Али Смит. Осень
Али Смит. Зима
Али Смит. Весна
Али Смит. Лето
Луиза Эрдрич. Лароуз
Луиза Эрдрич. Круглый дом
Ольга Токарчук. Бегуны
Ольга Токарчук. Диковинные истории
Ольга Токарчук. Последние истории
Давид Гроссман. См. статью «Любовь»
Давид Гроссман. Как-то лошадь входит в бар
Эмили Фридлунд. История волков
Эрик Вюйар. Повестка дня
Пол Остер. 4321
Пол Остер. Бруклинские глупости
Дэйзи Джонсон. В самой глубине
Ахмед Саадави. Франкенштейн в Багдаде
Софи Макинтош. Исцеление водой
Рэйчел Кушнер. Комната на Марсе
Майкл Ондатже. Военный свет
Майкл Ондатже. Кошкин стол

МАЙКЛ ОНДАТЖЕ

КОШКИН СТОЛ

МОСКВА
2021

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
О-58

Michael Ondaatje
THE CAT'S TABLE
Copyright © 2011 by Michael Ondaatje

Перевод с английского *Александры Глебовской*

В оформлении обложки использована фотография:
© Olga Gavrilova / Shutterstock.com.
Используется по лицензии от Shutterstock.com.

Ондатже, Майкл.
О-58 Кошкин стол / Майкл Ондатже; [перевод
с английского А. В. Глебовской]. — Москва:
Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN978—5—04—122732—6

1950-е годы, Коломбо. Одиннадцатилетний мальчик по имени Майкл поднимается на корабль, который должен отвезти его в Англию. Пересекая на его борту воды Индийского океана, он переживает первое настоящее погружение во взрослый мир.

«Кошкин стол» восхитительно незамутненными детскими глазами показывает настоящее британское общество изнутри, со всеми его друзьями, врагами, детьми, взрослыми, семьями, одиночками, артистами, миллионерами, разбойниками, с его интригами, интрижками, тайнами и разгадками. И пожалуй, именно это увлекательное путешествие станет для мальчика началом путешествия во взрослую жизнь.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-122732-6
© Глебовская А., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Квинтину, Гриффину, Кристин и Эсте,
Энтони и Констанс*

Так я вижу Восток. Я вижу его всегда с маленькой шляпки... ни огонька, ни шороха, ни звука... Мы переговаривались шепотом — тихим шепотом, словно боялись потревожить землю... Он открылся мне в то мгновение, когда я — юноша — впервые взглянул на него. Я пришел к нему после битвы с морем.

*Джозеф Конрад.
Юность¹*

¹ Пер. А. Кривцовой.

Он отмалчивался. Всю дорогу смотрел в окно машины. Взрослые на переднем сиденье негромко переговаривались. Можно было послушать о чем, но ему не хотелось. Там, где дорогу залило, — что случилось во время разлива реки, — он слышал плеск воды под колесами. Въехали в Форт, машина неслышно скользнула мимо здания почты, мимо часовой башни. В этот ночной час движение на улицах Коломбо почти замерло. Они проехали по Рекламейшн-роуд, миновали церковь Святого Антония, показали последние лотки с едой — каждый освещала единственная голая лампочка. Въехали на широкое темное пространство порта, где лишь вдали, у причалов, тянулись цепочки огней. Он вышел и встал рядом с теплым боком машины.

Было слышно, как в темноте тявкают беспризорные портовые псы. Почти все вокруг оставалось невидимым, за исключением того, что вырисовывалось в рассеянном свете немногочисленных серных ламп: погрузчики, тянувшие тележки

с багажом, сбившиеся в кучки семьи. И вот все они пошли в сторону трапа.

В ту ночь, когда он, ничего еще не знавший о мире, поднялся на борт первого и единственного в своей жизни судна, ему было одиннадцать лет. Казалось, к берегу примыкал целый город, освещенный лучше любой деревни или поселка. Он прошагал по трапу, глядя только под ноги — над головой ничего не существовало, — и шел, пока перед глазами не остались лишь погруженные во тьму гавань и море. Вдали угадывались очертания других судов, там постепенно загорались огни. Он стоял в одиночестве, приняхиваясь, потом сквозь шум и толчею возвратился на тот борт, что был обращен к причалу. Желтоватое мерцание над городом. Ему казалось, что между ним и всем, что там происходит, успела вырасти стена. Стюарды уже разносили еду и напитки. Он съел несколько бутербродов, потом спустился в каюту, разделся и юркнул в узкую койку. Он никогда еще не спал под одеялом, вот разве что один раз в Нувара-Элие. Сон не шел. Кюта находилась ниже ватерлинии, иллюминатора в ней не было. Он нашарил возле изголовья выключатель, нажал; голова и подушка внезапно оказались в конусе яркого света.

Он не пошел на палубу в последний раз глянуть на берег или помахать родственникам, которые привезли его в порт. Он слышал пение, воображал сперва медлительное, потом торопли-

вое прощание с родными, происходившее в звенящем ночном воздухе. Я и сейчас не могу сказать, почему он выбрал одиночество. Может, те, кто привез его на «Оронсей», уже отбыли? В кино родственники отрываются друг от друга с рыданиями, судно отчаливает, и пассажиры жадно вглядываются в удаляющиеся лица, пока еще можно разглядеть хоть что-то.

Я пытаюсь представить, кем был этот мальчик тогда, на борту судна. Напряженно застыв на узкой койке, он, возможно, еще и вовсе не осознавал себя, этот зеленый кузнечик или крошечный сверчок, которого некая внешняя сила внезапно оторвала от дома и, не спросив, швырнула в будущее.

Он проснулся рывком — его разбудила беготня пассажиров по коридорам. Оделся, вышел из каюты. Что-то происходило. В ночи разносились пьяные вопли, их перекрывали крики команды. В центральной части второй палубы матросы пытались изловить портового лоцмана. Он добросовестно вывел судно из гавани (где нужно было искусно лавировать между островами затонувших кораблей и старым волнорезом), а потом, празднуя свое достижение, выпил лишнего. Теперь же, похоже, не хотел сходить с борта. Пока не хотел. Еще часик-другой здесь, на вашем судне. А «Оронсей» должен был выйти в открытое море ровно в полночь, лоцманский катер дожидался у ватерлинии. Матросы попытались

было столкнуть лоцмана вниз по веревочному трапу, но, поскольку он мог упасть и разбиться насмерть, решено было заловить его в сети и аккуратно спустить. Лоцман, похоже, не испытывал ни малейшего смущения, в отличие от представителей судовой компании «Ориент», которые стояли на мостике в белых кителях и белые от бешенства. Когда катер отчалил, пассажиры закричали «ура!». Гул двухтактного двигателя и заунывное пение лоцмана постепенно стихали — катер уходил в ночь.

ОТПЛЫТИЕ

Что же было в моей жизни до этого судна? Выдолбленный из бревна челнок на реке? Катер в гавани Тринкомали? На нашем горизонте постоянно маячили рыбацьи лодки. Но я и вообразить себе не мог все великолепие этого дворца, на котором мне предстояло пересечь океан. До того самыми долгими странствиями в моей жизни были поездки на автомобиле в Нувару-Элию и на Хортон-Плейнз, да поезд в Джафну: мы сели на него в семь утра, а сошли в середине дня. В это путешествие мы взяли с собой бутерброды с яйцом, кунжутные шарики — талагули, колоду карт и приключенческую книжку для мальчиков.

А тут вот было принято решение, что я поплыву морем в Англию, причем поплыву один. Никто не предупредил меня, что затея эта несколько необычная, что меня ждут приключения и даже опасности, поэтому я не испытал заранее ни радости, ни страха. Меня не предупредили, что на судне будет шесть палуб, что на нем будут находиться свыше шестисот человек, включая капи-

тана, шестерых поваров, механиков и ветеринара, что на борту будет небольшая тюрьма и хлорированные бассейны, которые пересекут вместе с нами несколько океанов. Тетя небрежно пометила в календаре дату моего отплытия и предупредила школу, что я уйду в конце полугодия. О том, что мне предстоит провести три недели в море, говорили как о чем-то совершенно обычном, — собственно, я даже удивился, узнав, что родственники поедут провожать меня в порт. Я полагал, что сам сяду на автобус, а потом пересяду на другой в Борелле.

Впрочем, одна попытка познакомить меня с будущей жизнью на борту все же была предпринята. Оказалось, что некая дама по имени Флавия Принс, муж которой был знаком с моим дядюшкой, плывет на том же судне, и вот однажды ее пригласили на чай и представили нас друг другу. Выяснилось, что она путешествует первым классом, тем не менее она пообещала присмотреть за мной. Я пожал ей руку — осторожно, так как рука была унижена кольцами и браслетами, после чего миссис Принс отвернулась, дабы продолжить прерванный мною разговор. Потом я битый час прислушивался к беседе нескольких своих дядьев и считал, сколько бутербродов-канапе они съели.

В последний день перед отъездом я отыскал в школе пустую экзаменационную тетрадку, карандаш, точилку, перерисованную карту мира — и

сложил все это в свой чемоданчик. Вышел из здания, попрощался с генератором, выкопал детали от радиоприемника, который когда-то разобрал, не смог собрать и зарыл на газоне. Попрощался с Нараяном, попрощался с Гунепалой.

Уже в машине мне объяснили, что мне предстоит пересечь Индийский океан, Аравийское и Красное моря, пройти по Суэцкому каналу в Средиземное, а потом в одно прекрасное утро мы пришвартуемся в маленькой гавани в Англии и там меня встретит мама. Меня сильнее всего взволновали не дальность и романтика путешествия, а то, как же мама узнает, в какой именно день я прибуду в эту незнакомую страну.

И придет ли она меня встречать.